

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНЫХ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Н.А. Беседина
Белгородский государственный университет

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Современные тенденции в развитии когнитивной лингвистики выдвигают в число актуальных направлений исследования процессы языковой концептуализации. Как известно, концептуализация рассматривается как один из центральных процессов в познавательной деятельности человека, тесно связанный как с отдельными ее компонентами – памятью, воображением, вниманием – так и с когнитивными способностями человека в целом. Процесс концептуализации, с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, связан с преломлением в голове человека не только сущностей внешнего мира, он «охватывает также осмысление и собственно внутреннего мира человека, а также, что не менее важно, своеобразное «освоение» любых выражаемых возможных миров» [8: 14]. Он «ориентирован на членение потока информации и порождение новых смыслов, отражающих его осмысление» [7: 190], и «направлен в общем виде на выделение неких предельных для определенного уровня рассмотрения единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении» [9: 319].

Благодаря концептуализации мы познаем окружающий мир и внутренний мир человека; это процесс, с помощью которого мы формируем, организуем, структурируем наши знания о мире, и результаты этого процесса в той или иной мере отражаются в языке [4; 6]. Именно последнее положение особо акцентируется лингвистами (ср. [1; 13; 15]).

Из сказанного следует, что концептуализация представляет собой двусторонний процесс. С одной стороны, он связан с осмыслением сущностей внешнего мира, внутреннего мира человека, а также любых возможных миров и мира языка. С другой стороны, он приводит к формированию концептов о тех или иных осмысленных явлениях и сущностях, то есть структур знания. Таким образом, вполне логично рассматривать концептуализацию динамически: как процесс и как результат когнитивной переработки информации человеком. Р. Ленекер говорит об ингерентно динамической природе концептуализации [18], а Ж. Верньо подчеркивает главную роль действия в процессах концептуализации, которая, по его мнению, происходит из действия и языка [2]. Более того, как замечает Е.М. Позднякова, концептуализация мира человеком осуществляется в ходе деятельности, ибо «именно в процессе деятельности (в ее широком понимании) происходит и функционирование перцептуальной системы, и развитие когнитивных способностей, и формирование структур знаний» [12: 24]. Иными словами, динамичность может быть рассмотрена в качестве основного свойства концептуализации.

Другим существенным свойством концептуализации является ее онтологическая природа. «Онтологическая природа объекта, – как отмечает И.Г. Рузин, – задает возможность многих способов концептуализации, которые определенным образом кодифицируются в языке» [14: 49]. Он обращает особое внимание на то, что онтология задает не необходимость (выделено нами. – Н.Б.) концептуализации, но лишь набор возможностей. Как следствие концептуализация имеет нежесткий и «во многих случаях непоследовательный характер: из ряда возможностей реализуется в каком-то случае (в какой-то области, на каком-то уровне) одна, в каком-то другая» [там же]. Положение об онтологической природе концептуализации позволяет предположить, что на разных языковых уровнях реализуется часть возможностей и способов концептуализации, вербализующихся в тех или иных языковых единицах.

Таким образом, в качестве методологически важного для исследования процессов языковой концептуализации следует рассматривать положение о динамичности и онтологической природе концептуализации.

Из данного положения с необходимостью вытекает ряд других, важных для разработки настоящей проблемы положений.

Положение о динамичной и невербальной природе концепта дает основание представлять концепт не как статичную единицу, а как нежесткую структуру, находящуюся в постоянном развитии, отражающую результаты всей познавательной деятельности человека. При этом необходимо особо подчеркнуть тот факт, что только часть концептов получает языковую объективацию. Это дает основание разграничивать вербализованное и невербализованное концептуальное содержание, а также концепт как ментальную репрезентацию, существующую в виде гештальтной единицы, не структурированной до своей вербализации, и его вербализованный коррелят. Сказанное предполагает необходимость учитывать при исследовании языковой концептуализации положение о наличии двух ипостасей существования концепта: как единицы знания и как структуры знания, выраженной в языковых формах.

Положение о концептуальном уровне как едином уровне представления знаний и универсальной основе системы языка. Концептуальный уровень как единый уровень представления знаний совмещает различные типы информации (языковую, сенсорную, моторную) [17] и определяет структурную организацию языка и его функционирование, выступая в качестве системообразующего фактора [3]. Развивая и обосновывая эту идею, Н.Н. Болдырев подчеркивает, что концептуальный уровень «обеспечивает систематизацию, выбор и комбинаторику языковых знаков с целью выражения определенных мыслей, а также их интерпретацию при понимании текстов» [5: 8]. При этом важно иметь в виду, что концептуальный уровень – это не только система концептов и концептуальных классов, но и уровень категориальных значений и смыслов. Важность категориальных смыслов определяется тем, что именно они, а не отдельные концепты ложатся в основу грамматических категорий (в том числе, и морфологических) категорий.

Положение о дифференциации и взаимодействии концептуального и семантического уровней. Дифференциация этих уровней проявляется в независимости концепта от языка, что подтверждает факт невербальности мышления. Одновременно необходимо подчеркнуть взаимодействие концептуального и семантического уровней, о чем свидетельствуют следующие факты. Во-первых, язык отражает результаты процесса концептуализации. Как следствие, концептуальное содержание выявляется посредством языка. Во-вторых, сам язык играет значительную роль в процессе формирования, организации и структуризации знаний о мире (т.е. в процессе концептуализации) и в создании и расширении концептуальной системы. Это взаимодействие непосредственно проявляется в том, что семантика имеет два направления связей – в сторону концептуальной системы и в сторону языковой системы и, таким образом, оказывается «мостиком» или «интерфейсом», связующим языковую систему с концептуальной [19].

Взаимодействие концептуального и семантического уровней определяет существование в концептуальной системе единиц, имеющих языковое происхождение, что, в свою очередь, обеспечивает неразрывную связь языковых единиц с концептуальной системой и образующими ее концептами.

Из сказанного вытекает еще одно методологически важное положение о двусторонней связи концептуального содержания с языком. Двусторонняя связь концептуального содержания с языком проявляется в том, что, с одной стороны, анализ концептуального содержания невозможен без языка, так как не существует иного доступа к сознанию. С другой стороны, без анализа концептуального содержания невозможно объяснить использование языковых форм. Последние (морфологические, синтаксические и т.д.), а также значения слов связаны с представлением человека о мире, т.е. с его концептуальной системой. Как следствие, понять и объяснить использование языка возможно только обращаясь к форматам знания, стоящим за языковыми единицами. Тем самым речь идет о зависимости значения языковых форм от когниции, или, другими словами, о концептуальной природе языкового значения. В соответствии с ним, языковое значение рассматривается как интерпретация в контексте всей концептуальной системы (подр. об этом см.: [11;16]).

Положение о двойной роли языка в создании концептуальной системы. В соответствии с ним, естественный язык, во-первых, выступает в «качестве кода для концептов системы [11: 112] и тем самым «символически фиксирует определенные концепты концептуальной системы мира» [11: 114]. Это, в свою очередь, приводит к построению «определенного концепта о самом языке... содержащего знание о физических и грамматических его характеристиках» [11: 112]. Во-вторых, на основе усвоения и по мере построения концепта о грамматическом строе языка, последний дает возможность, манипулируя вербальными символами, манипулировать концептами системы. Это означает, что создается возможность строить в концептуальной системе новые концептуальные структуры, которые «континуально, но опосредованно – через другие концепты и их структуры – соотнесены с концептами, отражающими

индивидуальный познавательный опыт индивида [11: 114]. Таким образом, возникает особый тип концептов, построенных с помощью языка и относящихся, по мнению Р.И. Павилениса, скорее, к возможному, чем к актуальному опыту индивида [там же]. Такая двойная роль языка в создании концептуальной системы приводит к тому, что язык оказывается «вплетен» в концептуальную систему и служит для дальнейшего строения и символического представления содержания определенных концептуальных систем.

Последние два положения непосредственно связаны с положением о системе языка как о проекции познанного человеком и языке как части концептуальной системы.

Положение о способности создавать вариативные способы описания одного и того же как неотъемлемом свойстве языка предполагает способность языка концептуализировать один и тот же объект, одну и ту же ситуацию разным образом. Способность передавать одно и то же содержание альтернативными средствами Е.С. Кубрякова считает отличительной особенностью реализации концептуальных систем в языке [9]. Это позволяет говорить о существовании различных уровней и механизмов языковой концептуализации. Так, например, количество, время, отношение посессивности концептуализируются практически на всех языковых уровнях (лексическом, морфологическом, синтаксическом), что свидетельствует, в свою очередь, о значимости этих феноменов для концептуальной системы человека. Как подчеркивает Е.С. Кубрякова, «чем значимее концепт для человеческого мышления, тем более сложной системой языковых средств и языковых форм он может быть выражен» [9: 313]. Рассмотренное положение тесным образом связано с положением о множественности воплощения когнитивных структур в языке, означающем, что один и тот же концепт может быть репрезентирован различными языковыми средствами, что дает основание различать концепты по способу их репрезентации в языке как лексически, фразеологически, грамматически и т.д. репрезентируемые. Данное положение связано с идеей об отсутствии взаимодозначного соотношения между континуумом концептуальной системы и множеством вербальных выражений и соответственно между концептами концептуальной системы и знаками, используемыми для их кодирования. Ввиду этой закономерности нельзя требовать, чтобы язык выразил все смыслы, «один и тот же языковой знак может употребляться для кодирования подобных или вовсе неподобных концептов, которые прямо или косвенно, через другие концепты – связаны со всей концептуальной системой...» [11: 243-244]. В соответствии с этим Р.И. Павиленис предупреждает о бессмысленности поиска изоморфизма между концептом и словесной формой.

Положение о неоднородности концептуальной системы. Неоднородность концептуальной системы проявляется в том, что отдельные участки ее имеют различную значимость в общей структуре, что дает основание выделять более и менее фундаментальные участки концептуальной системы и соответственно, фундаментальные (базовые) и нефундаментальные концепты. Именно фундаментальные концепты обеспечивают упорядоченность и динамизм кон-

цептуальной системы. Данное положение получает обоснование в когнитивно-ориентированных теориях языка Р. Джекендоффа, Л. Талми, Дж. Лакоффа. В качестве критериев для установления фундаментальных концептов Дж. Лакоффа, например, рассматривает их широкое участие в других концептах системы и тенденцию к грамматикализации [10].

Рассмотренные положения позволяют говорить о том, что исследование процессов языковой концептуализации предполагает несколько этапов, на каждом из которых происходит последовательное установление уровней, языковых и когнитивных механизмов, а также дополнительных лингвистических факторов, обеспечивающих формирование и организацию знаний о мире, различающихся по предметной отнесенности.

Литература:

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995, № 1. – С. 37-67.
2. Верньо Ж. К интегративной теории представления // Иностранная психология. – М., 1995. – Т. 3, № 5. – С. 9-17.
3. Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1995.
4. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов, 2000.
5. Болдырев Н.Н. Теоретические аспекты функциональной категоризации глагола // Моделирование процессов функциональной категоризации глагола: кол. моногр. – Тамбов: ТГУ, 2000а. – С. 5-46.
6. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004, № 1. – С. 18-36.
7. Кубрякова Е.С. Теоретические проблемы русского словообразования (транспозиция в концептуализации и категоризации мира) // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и мат-лы междунар. конгресса русистов-исследователей, (МГУ 13-16 марта 2001 г.) – М., 2001. – С. 190-191.
8. Кубрякова Е.С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Реальность, язык и сознание: междунар. межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов, 2002. – Вып. 2. – С. 5-15.
9. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
10. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
11. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983.
12. Позднякова Е.М. Концептуальная организация производного слова // Когнитивная семантика: Мат-лы Второй международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. – Тамбов, 2000. – Ч. 2. – С. 23-27.
13. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия Академии Наук. Серия литературы и языка. – 2000. – Т. 59, № 3. – С. 3-15.
14. Рузин И.Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // Вопросы языкознания. – 1996, № 5. – С. 39-50.
15. Урысон Е.В. Языковая картина мира VS обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998, № 2. – С. 3-21.
16. Bierwisch M. Formal and lexical semantics // Proc. of the XIII-th International Congress of Linguistics. –Tokyo, 1983. – P. 122-131.

17. Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. – Cambridge, M.A.: The MIT Press, 1984.
18. Langacker R.W. *Concept, Image, and Symbol: the Cognitive Basis of Grammar*. – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1990. – 383 p.
19. Taylor J.R. *Linguistic categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. – Oxford Univ. Press, 1995.

С.Г. Воркачев

Кубанский государственный технологический университет

«ГЕНОМ РОДИНЫ»: МЕТАМОРФОЗЫ МЕТАФОРЫ*

По логике вещей, семантическая сущность, означаемая именем «родина», – это конечный результат абстрагирования и гипостазирования (субстантивации) – представления в виде отдельного предмета – свойств разнообразных объектов, рассматриваемых как «своих»: всего родного. Соответственно, семантика, унаследованная существительным от исходных атрибутов и составляющая «геном» родины, включает референтную часть – сами предметы-носители признаков, и прагматическую часть – отношение человека к этим предметам. Как уже отмечалось [6: 16, 23; 4: 240], слова «родина» и «родной» – лингвоспецифичны и не находят однозначно эквивалентных соответствий в других языках, за исключением славянских. За ними же, безусловно, стоят базовые, ключевые идеи и представления русской культуры и русского национального сознания.

Само по себе понятие родины как родной страны представляет собой совокупность метафор, концептуализирующих специфические социальные отношения [6: 23]. Однако продуктом метафоризации по данным этимологических словарей является уже и производящая основа «родины» – корень «род-», восходящий к праславянскому *rodъ и общий с русским «рост-, раст-», греческим *ὄρθος* «прямо стоящий, вставший, поднявшийся» и латинским *arbor* «дерево» [12, III: 491]. Можно предполагать, что здесь идея саморазвития, роста, отдельного бытия, свойственная растительному миру, переосмысливается в идею порождения – производства другого, отличного от себя существа.

Концепт родины как среды обитания (материальной и духовной) сообщества «своих» формируется предельным расширением двух базовых и пересекающихся метафор: метафоры дома («своего пространства») и метафоры семьи («своей крови») – родной дом/очаг, деревня/город, край/сторона, страна, с одной стороны, и родные по крови/родные по свойству (по брачным союзам)/родные «духовные» (крестные, кумовья) («по восприятию от купели» – [2, IV: 11])/земляки/соотечественники («свой народ»). Для отдельного человека семья представляет собой среду обитания – понятия дома и семьи пересекаются и взаимозаменяются: семья на украинском языке – «родина», по-русски «дом» – это «семья, люди живущие вместе, одним хозяйством» [7, I: 425], династия, царствующий род – это тоже «дом».

---

* Работа выполнена при поддержке РФНФ (грант № 07-04-38401 а/Ю).